

КОРРЕЛЯЦИЯ УРОВНЕЙ АГРЕССИИ И ТРАНСПАРЕНТНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «ДЕЛА СКРИПАЛЕЙ»)

CORRELATION OF THE LEVELS OF AGGRESSION AND TRANSPARENCY IN POLITICAL RHETORIC (ON THE MATERIAL OF THE “CASE OF THE SKRIPALS”)

*Л. С. Гуревич, Московский городской педагогический университет,
г. Москва
gurevich_ls@mail.ru*

L. Gurevich, Moscow City Pedagogical University, Moscow

Статья посвящена политической риторике между представителями государственной власти Соединенного Королевства и России по «делу Скрипалей». Отмечено, что эскалация политического конфликта сопровождается увеличением количества оскорбительных заявлений со стороны министра иностранных дел Великобритании Б. Джонсона и премьер-министра Т. Мей по отношению к России и В. В. Путину. Основной задачей исследования является обнаружение соотношения уровней агрессии и транспарентности мотивации в политическом дискурсе. Определено, что эскалация агрессии приводит к нарушению общепринятых в политической риторике правил. Более того, в данном процессе обнаруживается ряд определяющих характеристик, которые указывают на закономерность развития данного явления, а именно: усиление оценочной модальности высказываний, возрастающее количество инвектив, мифологичность высказываний и т. п. К классификации инструментальной функции языка автором предлагается добавить еще один уровень политической риторики — «провокационный», который должен занять верхнюю позицию в данной классификации. Он характеризуется высокой степенью мифологичности высказываний, отсутствием логической последовательности и завершенности заявлений, избыточностью эмфатических конструкций в речи, пестрящих политическими ярлыками и инвективами. Выявлена обратная пропорциональная зависимость транспарентности политической риторики и уровней агрессии в речи

Ключевые слова: политическая риторика, дело Скрипалей, уровни агрессии, транспарентность, классификация инструментальной функции языка, политические ярлыки, инвективы, мифологичность комментариев, оценочная модальность высказываний

The article is devoted to the political rhetoric between the government officials of the United Kingdom and Russia on the Skripals' case. It is noted that the escalation of the political conflict is accompanied by an increase in the number of offensive statements by British Foreign Secretary B. Johnson and Prime Minister T. Mei in relation to Russia and Vladimir Putin. The main objective of the study is to find the correlation between the levels of aggression and the transparency of motivation in political discourse. It is determined that the escalation of aggression leads to a violation of the rules generally accepted in political rhetoric. Moreover, in this process a number of defining characteristics are revealed which indicate the regularity of the development of this phenomenon, namely: strengthening of the estimated modality of utterances, increasing number of invective words, mythological nature of utterances, and so on. To the classification of the instrumental function of the language, the author proposes adding one more level of political rhetoric — “provocative”, which should take the top position in this classification. It is characterized by a high degree of mythology of utterances, lack of logical sequence and completeness of statements, redundancy of the emphatic constructions in speech, dazzling with political labels and invectives. An inversely proportional dependence of the transparency of political rhetoric and aggression levels in speech is revealed

Key words: political rhetoric; Skripals' case; political conflict; levels of aggression; motivation transparency; instrumental function of language classification; political labels; invectives; mythological character of narration; estimative modality in utterance

Введение. *О понятиях «транспарентность», «информационная война» и «агрессивные стратегии коммуникации» в политическом дискурсе.* Транспарентность — это особая информационная политика, построенная на принципах открытости, доступности и гласности, причем в тех случаях, когда речь идет о внешнеполитических явлениях, этот термин приобретает категориальный статус и рассматривается как один из базовых принципов функционирования политической системы в целом [4; 14]. Сложность анализа транспарентности политического дискурса на международном уровне заключается в том, что его ключевые понятийные составляющие, такие, как «открытость», «доступность» и «гласность», подвергаются подмене в тех случаях, когда политическая риторика выходит за рамки приемлемых для мирного диалога коммуникативных стратегий, и мы можем свидетельствовать об актуализации агрессивных стратегий коммуникации, об активной фазе информационной войны между государствами.

По определению А. П. Миньяр-Белоручевой, «информационная война — психологическая операция, направленная на использование информационной системы как оружия для создания конфликтной ситуации», которая «является неотъемлемой частью гибридной войны, поскольку многие вербальные, визуально подкрепленные высказывания или непроверенные обвинения вызывают ответную реакцию в виде ответных действий» [9. С. 251]. В политической риторике в подобном случае отмечается наличие агрессивных стратегий, основными задачами которых является манипулирование сознанием адресата, осуществляемое посредством языка; вербальное воздействие на адресата с целью изменения его личностных установок (ментальных, идеологических, оценочных и пр.), нацеленность на оскорбление или намеренное причинение вреда адресату [10]. В качестве агрессивных речевых стратегий в политическом дискурсе выступают «стратегия дискредитации противника, реализуемая тактиками анализ-минус, обвинения, без-

личного обвинения, упрека, констатации некомпетентности противника, признания чужой точки зрения или действий неправильными, и стратегия повышения личного статуса и ее тактики: анализ-плюс, самопрезентации, неявной самопрезентации, провозглашения собственной правоты» [8].

Анализ дефиниций, являющихся ключевыми в определении сущности политического дискурса, позволяет заключить, что агрессивные стратегии и тактики в политике вступают в концептуальное противоречие с понятием политического дискурса в его классической интерпретации. Кроме того, вырисовывается прямая зависимость агрессии с деструктивными процессами в дипломатии общения. Насколько оправданно данное предположение, рассмотрим на конкретном примере политической риторики представителей верховной власти государств в деле Скрипалей.

Эскалация напряженности политической риторики по делу Скрипалей. Из анализа классификации инструментальной функции языка политики, предложенной Е. И. Шейгал, становится ясно, что политическая риторика по делу Скрипалей достигла предельных уровней агрессивности политического диалога, где главенствующим инструментарием являются агональная и акциональная функции, выражающиеся в иницировании и разрешении социального и политического конфликтов путем мобилизации и «наркотизации» народов мира. Под мобилизацией понимается активизация и организация сторонников, а под наркотизацией — процесс умиротворения и отвлечения внимания, усыпления бдительности [15. С. 35]. Рассмотрим, как повышение уровня агрессивности политической риторики отражается на принципах объективности, открытости, достоверности, доступности и гласности.

В деле, названном по имени двух основных участников Сергея и Юлии Скрипалей «делом Скрипалей», инициатором эскалации политической напряженности и открытого международного конфликта выступила Великобритания. Заявление бри-

танского премьер-министра Терезы Мей звучало следующим образом:

1. “Based on the positive identification of this chemical agent by world-leading experts at the Defence Science and Technology Laboratory at Porton Down, our knowledge that Russia has previously produced this agent and would still be capable of doing so, Russia’s record of conducting state-sponsored assassinations, and our assessment that Russia views some defectors as legitimate targets for assassinations, the government has concluded that it is *highly likely* that Russia was responsible for the act against Sergei and Yulia Skripal” [26]. — «Основываясь на положительном заключении по идентификации вещества нервно-паралитического действия ведущими мировыми экспертами в оборонной научно-технической лаборатории в Портон Дауне и нашем знании о том, что Россия и ранее производила это вещество и имеет возможность производить его в настоящее время, а также на имеющихся фактах организации политических убийств, финансируемых российским государством, и на нашем знании о том, что Россия рассматривает перебежчиков как законную мишень политических убийств, наше правительство заключило, что *с высокой долей вероятности* Россия несет ответственность за покушение на Сергея и Юлию Скрипалей» (здесь и далее по тексту перевод автора, Л. Г.).

Позднее обвинения в адрес России приобрели более резкое звучание, и британское Правительство заключило: 2. “We are *without doubt* that Russia is responsible. No country bar Russia has combined capability, intent and motive. There is no plausible alternative explanation” [23]. — «*Вне всяких сомнений*, Россия ответственна за это. Никто, кроме России, не обладает в совокупности возможностью, намерением и мотивацией. Другого убедительного объяснения нет».

Эти и другие громкие заявления послужили триггером скоропалительных политических решений многих стран Западной Европы и США по массовой высылке российских дипломатов, ознаменовав тем самым беспрецедентный со времен двух ми-

ровых войн международный кризис. Россия приняла ответные зеркальные меры, выслав из России аналогичное количество дипломатов из присоединившихся к ультиматуму стран. Мировая общественность снова заговорила о холодной войне 2.0. [6].

Инвективы в политической риторике представителей государственной власти. Обратимся к вербальной составляющей политических заявлений, позволяющей хотя бы частично приблизиться к тому, что можно назвать транспарентностью политических мотиваций международного конфликта.

Инвективы, употребляемые в речи политиков, по определению Е. И. Шейгал, представляют собой «агональные знаки вербальной агрессии» [15. С. 121]. В косвенных речевых актах агрессии инвектива завуалирована, поскольку в ней не содержится прямого указания на субъект действия, номинируется лишь само действие с оценочной коннотацией:

3. “The use of a nerve agent on British soil is *a brazen and reckless act*”, Rudd told Parliament. “This was *attempted murder in the most cruel and public way*” [25]. — «Использование вещества нервно-паралитического действия на британской земле — *наглый и необдуманный поступок*, — заявил в Парламенте Кевин Радд. — Это было *покушение на убийство, осуществленное самым жестоким и открытым способом*».

В заявлении британского премьер-министра Т. Мей обвинение в адрес России звучит более категорично и жестко:

4. Together we have sent a message that we will not tolerate *Russia’s continued attempts to flout international law and undermine our values* [20]. — Совместно мы отправили официальное правительственное послание о том, что мы не потерпим дальнейших попыток *России пренебрежения международными законами и разрушения наших ценностей*.

В её последующих высказываниях появляются политические ярлыки и аллюзии, свидетельствующие также о высокой степени агрессивности инвективы. В речи

британского премьер-министра появляется прямое указание на виновника в актах агрессии:

5. *President Putin's regime is carrying out acts of aggression against our shared values and interests within our continent and beyond* [20]. — *Режим Президента Путина осуществляет акты агрессии против общепризнанных нами ценностей и интересов на нашем континенте и за его пределами.*

Как отмечает А. Б. Бушев, «социально-оценочная окраска концептуальной лексики «заряжает» весь текст: в ее контексте многие нейтральные слова могут приобрести окраску». Наблюдается так называемый феномен «семантической иррадиации», когда присутствие в контексте одного эмоционального слова придает эмоциональность всему высказыванию [3. С. 285]. То, что можно назвать транспарентностью политического дискурса, отличающееся беспристрастностью и политкорректностью, заменяется на дисфемизацию, «очернение», стигматизацию оппонента, использование ярлыков, фетишей и т. д. [Там же].

По утверждению Е. И. Шейгал, «... степень агрессивности инвективы зависит от характера предикации: как более агрессивные воспринимаются оценки, выраженные в форме прямой предикации, т. е. когда инвектива находится в позиции сказуемого (Мечьяр — диктатор!)» [15. С. 129]. Официальное заявление о так называемом «путинском режиме», по аналогии со «сталинским» или «гитлеровским» режимами, содержит аллюзию на жестокое, деспотичное правление, направленное на тотальное преследование и физическое истребление любого инакомыслия, что можно оценить как высшую степень инвективы в политической риторике.

Стратегия сопричастности, работающая на другую стратегию — мобилизации и «наркотизации» народов мира, актуализируется в дальнейших заявлениях Т. Мей:

6. *“As a sovereign European democracy, the United Kingdom will stand shoulder to shoulder with the EU and with NATO to face down these threats together”* [20]. — Как су-

веренное демократическое европейское государство, Соединенное Королевство встанет плечом к плечу с ЕС и НАТО, чтобы совместно подавить эти угрозы безопасности.

В ответе С. В. Лаврова звучит подтверждение того, что Великобритания и США «зомбировали» своих союзников, заставив слепо последовать их примеру. Министр иностранных дел РФ заявил:

7. *“Today, our Western partners, and I first of all refer to the Great Britain, the United States and some other countries, which are blindly guided by them, put all of their decency aside and resort to bold lies and fake news”* [27]. — «Сегодня наши западные партнеры и в первую очередь я заявляем о том, что Великобритания, США и некоторые другие страны, слепо ведомые ими, сбросили личину благопристойности и прибегли к наглому лжи и дезинформации».

Накал взаимных обвинений плавно переходит к скрытым угрозам в адрес российского президента. Министр иностранных дел Великобритании Б. Джонсон заявляет:

8. *“In the end, Mr. Putin is in charge, and I'm afraid he cannot escape responsibility and culpability”* (Boris Johnson) [23]. — В конце концов, виноват господин Путин, и я боюсь, ему не избежать ответственности за совершенное преступление.

Растет градация высказываний по шкале модальности предположения, достигнув высшей точки оценочного суждения:

9. Johnson: *“Overwhelmingly likely that it was Putin's decision”* [Там же]. — Джонсон: *«В высшей (подавляющей) степени вероятно, что это было решение Путина».*

В интервью у Б. Джонсона спросили, уверен ли он в том, что именно Путин приказал отравить Скрипалей, поскольку такое открытое заявление о виновности лидера России требует веских аргументов. Ответ Министра иностранных дел Великобритании прозвучал уклончиво и метафорично:

“I'm afraid he's in charge of the clattering train, as we say in the UK” [23]. — «Боюсь, это он виновен в том, что поезд гремит».

Данное заявление требует дальнейшего разъяснения и комментария.

Фраза *in charge of the clattering train*, как мы можем предположить, заимствована Б. Джонсоном из стихотворения, которое У. Черчилль взял в качестве эпиграфа к своей книге, состоящей из шести томов, «Вторая мировая война». Том под этим эпиграфом назывался «Надвигающаяся гроза»:

Who is in charge of the clattering train?
The axles creak, and the couplings strain.
For the pace is hot, and the points are near,
And Sleep hath deadened the driver's ear:
And signals flash through the night in vain.
Death is in charge of the clattering train!

Кто виноват в том, что поезд гремит?
Оси скрипят или сцепка ослабла,
Скорость большая, знаки мелькают,
А машинист сном покойника спит...
Не разбудить его вспышкой сигнала...
Смерть виновата, что поезд гремит:
Поезд несется, водитель в нем спит,
А у руля Смерть с косою стоит!

В данной книге У. Черчилль описывает дебаты в Парламенте 1935 г., когда он, будучи членом оппозиции основному правительству Великобритании и лидером фракции в составе консервативной партии, предложил увеличить национальный бюджет на производство военных самолетов в связи с нарастающей угрозой, исходящей от нацистской Германии. Его выслушали внимательно, но холодно, с большой долей недоверия, что повергло в отчаяние оппозиционного политика [17].

В речи Б. Джонсона фраза *in charge of the clattering train* звучит как аллюзия на надвигающуюся угрозу со стороны России и, возможно, намек на то, что необходимо в связи с этим наращивать военную мощь. В завуалированном сравнении В. В. Путина с А. Гитлером звучит недопустимое с точки зрения этики политического диалога оскорбление.

Далее Б. Джонсон замечает:

10. "Somebody has to be responsible, and we in the UK think that the evidence, the culpability points to the Russian state, as it did in the case of Alexander Litvinenko" [23]. — «Кто-то же должен быть виновным, и мы в Великобритании считаем, что улики, доказательства, указывают на российское

государство, которое поступило подобным образом с Александром Литвиненко».

Данное высказывание можно классифицировать как «вброс фейковой информации», когда при полном отсутствии доказательств приводится аналогичный бездоказательный пример.

О так называемой «фейковой информации» Постоянный представитель РФ при ООН В. И. Чуркин сказал следующее: «Нашу страну обвиняют во множестве самых разнообразных преступлений в самых разных частях света, начиная от расстрела, убийств, бомбежек мирных жителей, заканчивая кибератаками и прочим» [Цит. по: 1. С. 305]. Что важно здесь отметить, в последнее десятилетие в международной политической риторике «произошло смещение от значения языкового манипулирования к значению открытого высказывания мнения в широкой информационно-медийной среде теми людьми (дипломатами и политиками), деятельность которых ранее этого не предполагала» [Там же. С. 306]. И, таким образом, произошло переключение кодов с официального дипломатического стиля на публицистический.

Феномен персуазивности в политическом дискурсе: «доказательная база» в деле Скрипалей. Персуазивность политического дискурса базируется, прежде всего, на аргументативности заключений, под которой понимается «последовательное рассмотрение доводов, доказывающих истинность выдвинутого тезиса» [16. С. 171]. Основной характеристикой аргументативности считается истинность доводов, основанная на стереотипах и архетипах [13. С. 371].

Несколько аргументативными являются доводы британского правительства в деле Скрипалей, рассмотрим на конкретных примерах.

В заявлении Т. Мей обвинение России в отравлении Скрипалей базировалось на основании выводов так называемых *ведущих мировых экспертов*, однако пояснения по лабораторным исследованиям даны некой М. Карлин, с девятилетним опытом работы после окончания университета и получения

магистерской степени по токсикологической химии. Из ее речи мы можем понять, что вещество нервно-паралитического действия под названием «Новичок» разработано российскими учеными в 70–80-х гг. XX в. Оно базировалось на фосфорорганической основе. Самыми опасными, по ее словам, были Новичок-5 и Новичок-7, которые в 8 раз токсичнее известных в мире нервно-паралитических веществ группы VX. В совокупности насчитывается более 100 вариантов разновидностей Новичка. Далее М. Карлин заключает:

11. “While it remains unclear which, exactly, of the many Novichok variants was used to poison Skripal and his daughter, the medical effects of the poison are well understood. “They react very similarly to other nerve agents” [24]. — Пока остается неизвестным, какой конкретно из многих вариантов Новичка использован для отравления Скрипаля и его дочери, но биологическое действие яда легко прослеживается. Они действуют очень похоже».

Безусловно, все, о чем говорилось ранее, можно отнести к бездоказательной базе, к отсутствию аргументированности в заявлении, начиная с того, что можно с большим трудом предположить наличие высокого научного статуса мирового значения у представительницы британской лаборатории, и заканчивая совершенно неубедительными доводами по поводу нервно-паралитического вещества и его происхождения.

Второй аргумент звучал следующим образом:

12. Doctors treat Novichok poisoning by administering two kinds of medicines: Pralidoxime accelerates the production of an enzyme called cholinesterase — which is what the Novichok nerve agent blocks. Secondly, doctors administer atropine, which is an antidote not only applicable to Novichok agents. “It’s also used for cases of overdose with other organophosphate compounds, like insecticides and pesticides”, toxicologist Carlin explains [Там же]. — Врачи лечат отравление Новичком путем введения двух видов медикаментов: пралидоксима, кото-

рый ускоряет выработку фермента, называемого холинэстеразой, — то, что блокируется нервно-паралитическим веществом Новичок. Вторым вводится атропин-антидот, который применим не только для выведения Новичка. Он также используется в случаях передозировки фосфорорганическими компонентами, такими как инсектициды и пестициды.

Достаточно того, чтобы представить себе маленький провинциальный городок на юго-западе Англии, который, по утверждению самих англичан, до дела Скрипалей был известен лишь своим средневековым замком [18], чтобы понять, что ни высокотехнологичных научных лабораторий, ни известных ученых в области токсикологии, ни специфического антидота пралидоксима для лечения такого же специфического отравления, скорее всего, нет.

Еще один факт, свидетельствующий о слабой аргументации британской стороны, заключается в том, что опять же, по утверждению М. Карлин, если не ввести антидот при отравлении Новичком в течение суток, последующее лечение будет бессмысленным, в организме произойдут необратимые изменения, и летальный исход станет неизбежным [24]. Если учесть предыдущий факт, с наименьшей долей вероятности жертвы отравления Новичком остались бы живы.

Можно привести еще несколько весомых контраргументов [См. подробнее в: 27], свидетельствующих о том, что все доводы британского правительства бездоказательны, отчасти даже мифологичны и обладают низким уровнем персуазивности.

Исходя из того, что персуазивность политического дискурса является одним из его базовых признаков, способствующих более глубокому пониманию политических процессов и прогнозированию их последствий как в самом государстве, так и за его пределами [13. С. 374], при низкой степени аргументативности и неоправданно высокой степени силы убеждения (многие европейские государства «поверили» Великобритании и последовали ее примеру, выдвинув санкции против России), здесь

можно говорить о «политическом спектакле» [5. С. 351], разыгранном на глазах у мировой общественности.

Выводы. Несмотря на то, что «дело Скрипалей» еще не завершено и каждодневно появляются новые подробности данного дела, даже на данном промежуточном этапе можно подвести итог политической риторики, позволивший отследить некоторые фазы ее развития и вывести ряд закономерностей функционирования политического дискурса.

В исследованиях российских и зарубежных ученых по политической риторике, коммуникативным стратегиям и политической метафоре Е. И. Шейгал, А. П. Миньяр-Белоручевой, Н. И. Мироновой, Н. Е. Петровой, А. Е. Прохоровой, А. П. Чудинова, Э. В. Будаева, М. В. Белякова, О. С. Иссерс, G. Lakoff, M. Johnson, Adam J. West и других подробно рассматриваются различные модели политического дискурса и поведения политиков [1; 2; 7; 9–11; 13; 15; 17; 21; 22]. На основе данных исследований и анализа статьи можно сделать вывод, что к существующей классификации уровней агрессивности политического диалога мы можем добавить еще один уровень высшей степени эскалации политической напряженности — *провокационный*, когда политическая риторика выходит на уровень подстрекательства к активным действиям,

ультиматумов и безапелляционных заявлений. Наличие такого уровня в общении государств свидетельствует об активной фазе холодной войны (или эскалации) [Ср.: 12]. Сопутствующими элементами провокационной риторики можно назвать высшую степень мифологичности заявлений, отсутствие логической последовательности и завершенности высказываний, повышенную степень эмфатичности речи с вкраплениями политических ярлыков и инвектив (прямых и опосредованных). Поскольку транспарентность подразумевает открытость, информационное взаимодействие и ответственность, мы можем также прийти к заключению, что уровни политической агрессии и транспарентность политического дискурса находятся в соотношении обратно пропорциональной зависимости: чем выше уровень агрессии, тем ниже уровень транспарентности, и наоборот.

В заключение отметим тот факт, что только здоровая тенденция к открытым и честным отношениям на мировой арене может способствовать сохранению мира во всем мире. Мы вступили в фазу более высокого интеллектуального и информационного взаимодействия. Время безапелляционных ультиматумов и грязных политических игр прошло. Наступила пора новых политических решений, новой политической риторики.

Список литературы

1. Беляков М. В. Особенности языка открытой дипломатии // Военно-гуманитарный альманах. Сер. Лингвистика. Т. 2. Язык. Коммуникация. Перевод: материалы междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. М., 2017. Вып. 2. С. 304–310.
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2006. 213 с.
3. Бушев А. Б. Политическая коммуникативистика: оптика для выборов в США 2016 года // Военно-гуманитарный альманах. Сер. Лингвистика. Т. 2. Язык. Коммуникация. Перевод: материалы междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. М., 2017. Вып. 2. С. 283–293.
4. Власова Н. В. Проблема транспарентности политического процесса в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dis.podelise.ru/text/index-70992.html> (дата обращения: 18.03.2018).
5. Гаврилов Л. А., Заринов Р. И. Политическая борьба как семантико-информационное содержание политического дискурса // Военно-гуманитарный альманах. Сер. Лингвистика. Т. 2. Язык. Коммуникация. Перевод: материалы междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. М., 2016. Вып. 1. С. 349–362.

6. Дело Скрипаля и «холодная война»: массовая высылка российских дипломатов (27 марта 2018 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newspln.ru/news/1750956> (дата обращения: 02.03.2018).
7. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига, 2006. 288 с.
8. Карякин А. В. Стратегемно-тактические способы реализации речевой агрессии в политическом дискурсе: на материале немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/stratagemno-takticheskie-sposoby-realizacii-rechevoj-agressii-v-politicheskom.html> (дата обращения: 18.03.2018).
9. Миньяр-Белоручева А. П. Технологии информационной войны // Военно-гуманитарный альманах. Сер. Лингвистика. Т. 2. Язык. Коммуникация. Перевод: материалы междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. М., 2017. Вып. 2. С. 251–259.
10. Миронова Н. И. Речевая агрессия в Интернет-коммуникации (агрессивные стратегии и тактики) // Военно-гуманитарный альманах. Сер. Лингвистика. Т. 2. Язык. Коммуникация. Перевод: материалы междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. М., 2016. Вып. 1. С. 333–341.
11. Петрова Н. Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М.: Флинта: Наука, 2013. 160 с.
12. Признаки холодной войны. Социально-экономическое и политическое развитие СССР в 1945–1953 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.megapredmet.ru/1-60060.html> (дата обращения: 10.03.2018).
13. Прохорова А. Е. Феномен персуазивности в аспекте политического дискурса // Военно-гуманитарный альманах. Сер. Лингвистика. Т. 2. Язык. Коммуникация. Перевод: материалы междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. М., 2017. Вып. 2. С. 369–375.
14. Пызина Г. В. Транспарентность исполнительной власти: сущность и механизмы реализации в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cheloveknauka.com/transparentnost-ispolnitelnoy-vlasti-suschnost-i-mehanizmy-realizatsii-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 18.03.2018).
15. Шейгал Е. И. Семантика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
16. Шелестюк Е. В. Текстовые категории аргументативности, суггестивности и императивности как отражение способов речевого воздействия // Вестник Челябинск. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. 2008. № 30. С. 170–175.
17. Adam J. West. Warning the clattering train (17th September 2015) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tomorrowworld.org/commentary/warning-the-clattering-train> (дата обращения: 24.03.2018).
18. Bemusement in Salisbury as Russian ex-spy drama unfolds [Электронный ресурс] // Made for minds: top stories. Режим доступа: <http://www.dw.com/en/bemusement-in-salisbury-as-russian-ex-spy-drama-unfolds/a-42953980> (дата обращения: 24.03.2018).
19. Brexuse V. Russia claims M15 carried out nerve agent attack “to distract from Brexit” [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.thesun.co.uk/news/5957322/russia-claims-mi5-carried-out-nerve-agent> (дата обращения: 04.03.2018).
20. Expulsions are warning to Russia not to flout international law: UK [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newstoday.net/expulsions-are-warning-to-russia-not-to-flout-international-law-uk> (дата обращения: 03.03.2018).
21. Lakoff G. Metaphor and war. The metaphor system used to justify war in the gulf [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.escholarship.org/uc/item/9sm131vj> (дата обращения: 04.04.2018).
22. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago, 1980. 256 p.
23. Nemtsova Zh. Boris Johnson: Russia’s position in Skripal case is ‘increasingly bizarre’ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dw.com/en/boris-johnson-russias-position-in-skripal-case-is-increasingly-bizarre/a-43043873> (дата обращения: 01.04.2018).
24. Novichok nerve agents — Russia’s dangerous ‘new’ poison [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2018/03/13/novichok-what-russia-dangerous-poison-used-ex-spy-sergei-skripal-case/421378002> (дата обращения: 01.04.2018).
25. Poison probe. Who is Sergei Skripal, which nerve agent was used to poison the former Russian spy and what was the incident in Salisbury? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.thesun.co.uk/news/5732435/sergei-skripal-russian-spy-poison-nerve-agent-salisbury> (дата обращения: 04.04.2018).
26. Skripal Case: It Looks Like Mrs. May Has Some Explaining To Do! [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.russia-insider.com/en/skripal-case-it-looks-mrs-may-has-some-explaining-to-do/ri22890> (дата обращения: 02.04.2018).
27. Why We Can Actively Assume That Skripal Was Poisoned by The British Government [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.beforeitsnews.com/alternative/2018/03/why-we-can-actively-assume-that-skripal> (дата обращения: 24.03.2018).

References

1. Belyakov M. V. *Voенno-gumanitarny almanah. Ser. Lingvistika. T. 2. Yazyk. Kommunikatsiya. Perevod: materialy mezhdunar. nauch. konf. po aktualnym problemam teorii yazyka i kommunikatsii* (Military Humanitarian Almanac. Ser. Linguistics. Vol. 2. Language. Communication. Translation: Intern. scien. conf. on topical problems of the theory of language and communication). Moscow, 2017. Vol. 2. P. 304–310.
2. Budaev E. V., Chudinov A. P. *Metafora v politicheskom interdiskurse* (Metaphor in the political interdiscourse). Yekaterinburg: Publishing house Ural State Ped. Un-ty, 2006. 213 p.
3. Bushev A. B. *Voенno-gumanitarny almanah. Ser. Lingvistika. T. 2. Yazyk. Kommunikatsiya. Perevod: materialy mezhdunar. nauch. konf. po aktualnym problemam teorii yazyka i kommunikatsii* (Military-humanitarian almanac. Ser. Linguistics. Vol. 2. Language. Communication. Translation: Intern. scien. conf. on topical problems of the theory of language and communication). Moscow, 2017. Vol. 2. P. 283–293.
4. Vlasova N. V. *Problema transparentnosti politicheskogo protsessa v sovremennoy Rossii: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.02* (The problem of transparency of the political process in modern Russia: abstract. dis. ... cand. polit. sciences: 23.00.02). Moscow, 2007. Available at: <http://www.dis.podelise.ru/text/index-70992.html> (Date of access: 18.03.2018).
5. Gavrilov L. A., Zaripov R. I. *Voенno-gumanitarny almanah. Ser. Lingvistika. T. 2. Yazyk. Kommunikatsiya. Perevod: materialy mezhdunar. nauch. konf. po aktualnym problemam teorii yazyka i kommunikatsii* (Military-humanitarian almanac. Ser. Linguistics. Vol. 2. Language. Communication. Translation: Intern. scien. conf. on topical problems of the theory of language and communication). Moscow, 2016. Issue. 1. P. 349–362.
6. *Delo Skripalya i «holodnaya voyna»: massovaya vysylka rossiyskikh diplomatov (27 marta 2018 g.)* (The case of Skripal and the “cold war”: mass expulsion of Russian diplomats (March 27, 2018)). Available at: <http://www.newspln.ru/news/1750956> (Date of access: 02.03.2018).
7. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* (Communicative strategies and tactics of Russian speech). Moscow: KomKniga, 2006. 288 p.
8. Karyakin A. V. *Stratagemno-takticheskie sposoby realizatsii rechevoy agressii v politicheskom diskurse: na materiale nemeckogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04* (Stratagem-tactical ways to implement speech aggression in political discourse: on the material of the German language: dis. ... cand. philol. sciences: 10.02.04). Available at: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/stratagemno-takticheskie-sposoby-realizatsii-rechevoy-agressii-v-politicheskom.html> (Date of access: 18.03.2018).
9. Minyar-Beloruicheva A. *Voенno-gumanitarny almanah. Ser. Lingvistika. T. 2. Yazyk. Kommunikatsiya. Perevod: materialy mezhdunar. nauch. konf. po aktualnym problemam teorii yazyka i kommunikatsii* (Military-humanitarian almanac. Ser. Linguistics. Vol. 2. Language. Communication. Translation: Intern. scien. conf. on topical problems of the theory of language and communication). Moscow, 2017. Vol. 2. P. 251–259.
10. Mironova N. I. *Voенno-gumanitarny almanah. Ser. Lingvistika. T. 2. Yazyk. Kommunikatsiya. Perevod: materialy mezhdunar. nauch. konf. po aktualnym problemam teorii yazyka i kommunikatsii* (Military-humanitarian almanac. Ser. Linguistics. Vol. 2. Language. Communication. Translation: Intern. scien. conf. on topical problems of the theory of language and communication). Moscow, 2016. Vol. 1. P. 333–341.
11. Petrova N. E. *Yazyk sovremennykh SMI: sredstva rechevoy agressii* (The language of modern media: means of verbal aggression). Moscow: Flint: Science, 2013. 160 p.
12. *Priznaki holodnoy voyny. Sotsialno-ekonomicheskoe i politicheskoe razvitiye SSSR v 1945–1953 gg.* (Signs of the Cold War. The socio-economic and political development of the USSR in 1945–1953). Available at: <http://www.megapredmet.ru/1-60060.html> (Date of access: 10.03.2018).
13. Prokhorova A. E. *Voенno-gumanitarny almanah. Ser. Lingvistika. T. 2. Yazyk. Kommunikatsiya. Perevod: materialy mezhdunar. nauch. konf. po aktualnym problemam teorii yazyka i kommunikatsii* (Military Humanitarian Almanac. Ser. Linguistics. Vol. 2. Language. Communication. Translation: Intern. scien. conf. on topical problems of the theory of language and communication). Moscow, 2017. Vol. 2. P. 369–375.
14. Pyzina G. V. *Transparentnost ispolnitelnoy vlasti: sushechnost i mekhanizmy realizatsii v sovremennoy Rossii: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.02* (Transparency of executive power: essence and mechanisms of implementation in modern Russia: abstract. dis. ... cand. polit. sciences: 23.00.02). Moscow, 2006. Available at: <http://www.cheloveknauka.com/transparentnost-ispolnitelnoy-vlasti-sushechnost-i-mekhanizmy-realizatsii-v-sovremennoy-rossii> (Date of access: 18.03.2018).
15. Shegal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* (Semiotics of political discourse). Moscow: Gnosis, 2004. 326 p.
16. Sheleshyuk E. V. *Vestnik Chelyabinsk. gos. un-ta. Ser. Filologiya. Iskusstvovedenie* (Bulletin of the Chelyabinsk State University. Ser. Philology. Art History), 2008, no. 30, pp. 170–175.

17. Adam J. West. *Warning the clattering train (17th September 2015)* [West. Warning the clattering train (17th September 2015)]. Available at: <https://www.tomorrowworld.org/commentary/warning-the-clattering-train> (Date of access: 24.03.2018).
18. *Bemusement in Salisbury as Russian ex-spy drama unfolds // Made for minds: top stories* [Bemusement in Salisbury as Russian ex-spy drama unfolds // Made for minds: top stories]. Available at: <http://www.dw.com/en/bemusement-in-salisbury-as-russian-ex-spy-drama-unfolds/a-42953980> (Date of access: 24.03.2018).
19. Brexuse V. *Russia claims MI5 carried out nerve agent attack "to distract from Brexit"* [Russia claims MI5 carried out nerve agent attack "to distract from Brexit"]. Available at: <https://www.thesun.co.uk/news/5957322/russia-claims-mi5-carried-out-nerve-agent> (Date of access: 04.03.2018).
20. *Expulsions are warning to Russia not to flout international law: UK* [Expulsions are warning to Russia not to flout international law: UK]. Available at: <http://www.newztoday.net/expulsions-are-warning-to-russia-not-to-flout-international-law-uk> (Date of access: 03.03.2018).
21. Lakoff G. *Metaphor and war. The metaphor system used to justify war in the gulf* [Metaphor and war. The metaphor system used to justify war in the gulf]. Available at: <https://www.escholarship.org/uc/item/9sm131vj> (Date of access: 04.04.2018).
22. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by* [Metaphors We Live by]. Chicago, 1980. 256 p.
23. Nemtsova Zh. *Boris Johnson: Russia's position in Skripal case is "increasingly bizarre"* [Boris Johnson: Russia's position in Skripal case is "increasingly bizarre"]. Available at: <http://www.dw.com/en/boris-johnson-russias-position-in-skripal-case-is-increasingly-bizarre/a-43043873> (Date of access: 01.04.2018).
24. *Novichok nerve agents — Russia's dangerous 'new' poison* [Novichok nerve agents — Russia's dangerous 'new' poison]. Available at: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2018/03/13/novichok-what-russia-dangerous-poison-used-ex-spy-sergei-skripal-case/421378002> (Date of access: 01.04.2018).
25. *Poison probe. Who is Sergei Skripal, which nerve agent was used to poison the former Russian spy and what was the incident in Salisbury?* [Poison probe. Who is Sergei Skripal, which nerve agent was used to poison the former Russian spy and what was the incident in Salisbury?]. Available at: <https://www.thesun.co.uk/news/5732435/sergei-skripal-russian-spy-poison-nerve-agent-salisbury> (Date of access: 04.04.2018).
26. *Skripal Case: It Looks Like Mrs. May Has Some Explaining To Do!* [Skripal Case: It Looks Like Mrs. May Has Some Explaining To Do!]. Available at: <https://www.russia-insider.com/en/skripal-case-it-looks-mrs-may-has-some-explaining-do/ri22890> (Date of access: 02.04.2018).
27. *Why We Can Actively Assume That Skripal Was Poisoned by The British Government* [Why We Can Actively Assume That Skripal Was Poisoned by The British Government]. Available at: <http://www.beforeitsnews.com/alternative/2018/03/why-we-can-actively-assume-that-skripal> (Date of access: 24.03.2018).

Коротко об авторе

Briefly about the author

Гуревич Любовь Степановна, д-р филол. наук, доцент, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия. Область научных интересов: когнитивная лингвистика; теория языка, регионоведение, иностранный язык в сфере профессионального общения
gurevich_ls@mail.ru

Lyubov Gurevich, doctor of philological sciences, associate professor, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia. Sphere of scientific interests: cognitive linguistics; theory of language, regional studies, foreign language in the sphere of professional communication

Образец цитирования

Гуревич Л. С. Корреляция уровней агрессии и транспарентности в политической риторике (на материале «дела Скрипалей») // Вести. Забайкал. гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 5. С. 52–61. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-5-52-61.

Gurevich L. Correlation of the levels of aggression and transparency in political rhetoric (on the material of the "case of the Skripals") // Transbaikal State University Journal, 2018, vol. 24, no. 5, pp. 52–61. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-5-52-61.

Статья поступила в редакцию: 03.05.2018 г.
Статья принята к публикации: 15.05.2018 г.